

Жун Би понимал, что не должен строить догадок, но когда Великий учитель прибыл сюда, вспомнив его стихи о верности заветам предков, его охватило глубокое сомнение. Как может великий учёный писать одно, а поступать совершенно иначе? Но сегодняшней поступок учителя потряс его. Жун Би твёрдо знал: он должен спасти Фэн Линхуэй.

Он вёл её, петляя среди построек, пока они не вышли к ещё одному сухому колодцу — на этот раз совершенно безводному. Жун Би указал на него:

— Отсюда можно уйти.

Фэн Линхуэй посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло подозрение:

— Твой отец на стороне Хуа Шэна?

Жун Би усмехнулся, но в усмешке не было ни капли уважения:

— Всё-таки Хуа Шэн — великий генерал.

Фэн Линхуэй не отступала:

— Ты бывал здесь раньше? Насколько я знаю, детей сюда не пускают.

Улыбка Жун Би стала загадочной:

— Я, разумеется, тоже не исключение.

Фэн Линхуэй вспомнила, как уверенно он ориентировался в резиденции генерала, знал потайные ходы и даже то, что стражники — люди его отца. Её взгляд на него переменился.

Горькая улыбка тронула её губы:

— Выходит, упрямым был лишь мой дед.

Жун Би кивнул:

— Потому я ему и завидую. Ты будешь в безопасности.

— Великую милость не забуду никогда, — повторила она.

Жун Би всё ещё держал верёвку, спасшую Хуа Си. Колодец был неглубок, прыгнуть — и дело с концом. Но Фэн Линхуэй было всего девять, и росла она в неге. Уже собравшись спуститься, она вдруг обернулась:

— Хуа Си — тот ещё ориентировщик, а место было тёмным, вот он и свалился. Я, пока ждала, рассказывала ему кое-что из истории. И вот... возьми.

Она протянула нефритовую подвеску.

Жун Би с удивлением взял её.

— Это император втайне подарил моему деду, — пояснила Фэн Линхуэй. — Сохрани. Может, пригодится.

— Спасибо. Увидимся, — сказал Жун Би.

— Господин!

Янь Ся вздрогнул и открыл глаза. Юнь Сяо смотрела на него с беспокойством.

— Господин, вы в последнее время выглядите очень уставшим.

Янь Ся отряхнул остатки сна:

— Просто кошмар. Пройдёт.

В этот момент Си Чжэнь подвёл лошадей. Янь Ся огляделся. Они были в пути уже целый день; через два дня достигнут земель за заставой.

Юнь Сяо сообщила:

— Скоро будем на месте, но путь впереди трудный. Места там пустынные, домов — раз-два и обчёлся.

Янь Ся, не сильный в географии, спросил:

— Что там такое?

Юнь Сяо ответила:

— Много лет назад кто-то спалил тот городок дотла. Огонь бушевал месяцами, не оставив камня на камне. «Ночная лодка и плывущие цветы» — так теперь про то место говорят.

Она помолчала и добавила:

— Впрочем, я слышала, будто там видели оборотней. Но кто верит слухам?

Янь Ся вспомнил белоснежную лису из сна, вспомнил ту обезьяну... и то, что Юнь Сяо ступила на путь бессмертия. Он тихо проговорил:

— Кто знает, что из этого правда.

Втроём они вскочили на коней и умчались, скрывшись в просторах степи.

Всю дорогу Янь Ся не мог отделаться от мыслей о том сне. Ведь это был первый сон, который он увидел лишь наполовину. Тот девятилетний мальчик был куда сообразительнее всех детей, которых ему доводилось видеть прежде. Но выдержит ли он гнев полководца? Не в силах сдержаться, он обратился к Юнь Сяо:

— Ты знаешь, чем закончил Жун Хуэй?

Та оживилась от любопытства:

— Конечно, господин! Вы им заинтересовались? Он же приложил руку к падению прежней династии. Сначала вместе с Хуа Шэном её и свергли, а потом, держа малолетнего императора под боком, стали князьями вертеть. Тогда он с Хуа Шэном и схлестнулся — один на юге, другой на севере. А потом его погубил подросший император, да и Хуа Шэн при странных обстоятельствах умер. Армии их развалились, началась смута. Война долго полыхала, пока наш

предок власть не взял и порядок не навёл.

Янь Ся спросил:

— Дети у него были?

Юнь Сяо нахмурилась:

— Может, и были... Но ни в летописях, ни в преданиях о них ни слова.

Услышав это, Янь Ся почувствовал, как у него в груди похолодело — так он вспомнил того смышлёного отрока.

Тот день положил начало смуте. Великий учитель скончался в резиденции генерала, а его внучка бесследно исчезла. Все шептались, что для Хуа Шэна это пик могущества. Он продолжил казни, вырезав весь род Великого учителя. О его действиях молчали все — включая императрицу-мать.

Хуа Шэн сжимал в руках всю полноту власти. Не хватало лишь титула. Он размышлял, когда же сможет его заполучить.

В это время подчинённый доложил, что Фэн Линхуэй так и не нашли. Хуа Шэн хмыкнул и устремил взор вниз, где на коленях стоял бледный Жун Би, а рядом с ним — его отец, Жун Хуэй.

Хуа Шэн, мужчина в расцвете сил, чей взгляд тяжелел от власти, прогремел:

— Эта девчонка последний раз была с тобой. Какое у тебя объяснение?

Жун Би ответил, не поднимая глаз:

— Мы вскоре разошлись. Я не ведаю, куда она направилась.

— Твоим словам нет свидетелей! — отрезал Хуа Шэн.

— Тогда я бессилён что-либо доказать, — пожал плечами Жун Би. — Я и вправду не знаю.

Жун Хуэй бросился в ноги:

— Сын мой неучтив! Умоляю, простите его!

Хуа Шэн фыркнул:

— Простить? Если эта девчонка сбежала, всё равно что тигра выпустить!

— Весь её род уже истреблён вами, — возразил Жун Хуэй. — Она всего лишь девочка. Разве может она навредить?

Хуа Шэн в гневе ударил кулаком по столу:

— Но она исчезла из моей резиденции — неприступной, как крепость! Если кто-то может появляться ниоткуда, кто поручится за мою безопасность?!

Жун Хуэй, не поднимая головы, едва заметно нахмурился.

Хуа Шэн, ещё не осознав, что проговорился, вдруг вспомнил: этот подчинённый шёл с ним с самых низов. Да и сын у того один, к тому же болезненный. Негоже его совсем уж отталкивать.

— Ладно, — буркнул он. — Разберусь ещё. Пусть постоит у ворот три дня. Потом останется здесь.

Сердце Жун Хуэя сжалось от холода, но лицо его осталось невозмутимым. Он толкнул сына:

— Благодарю!

Жун Би поклонился и вышел. Стоял знойный полдень, но его бросало в холодный пот.

Он не знал, сколько простоял. Тело онемело, в глазах плыло. Потом кто-то стал спрашивать, где Фэн Линхуэй, но губы его пересохли, и он не мог вымолвить ни слова. А затем он рухнул на землю.

Две недели Жун Би провёл в постели. Здоровье у него было слабым с рождения. В отчем доме его лелеяли и холили, лишь бы мог на людях появляться. То, что для других было пустяком, для него становилось опасным.

На сей раз он продержался два дня, не выдержал и слег на полмесяца. Лекари сказали, что ещё день — и ему конец. Хуа Шэн отменил наказание. Лежа в постели и глядя на незнакомую служанку, Жун Би услышал об этом и горько усмехнулся.

Выглядел он плохо. Если при первой встрече он был юношей статным, то теперь являл собой жалкое зрелище.

Жун Би знал причину. Он искал Фэн Линхуэй. Искал не переставая, днём и ночью. «Так вот она какая, любовь, — думал он. — Сводит с ума».

Он сказал пришедшему к нему Хуа Си:

— С какой стати мне её скрывать? Я с Фэн Линхуэй всего день как знаком. Разве стал бы я покрывать незнакомку?

Хуа Си молчал. Он не мог забыть ту девушку, что утешала его в ночной тьме. Ему было так страшно на дне колодца, а она рассказывала ему о подвигах героев из летописей. Он тогда не сразу полез наверх — её голос был так прекрасен, даже соловьи, что отец за бешеные деньги покупал, не сравнились бы. Сидя внизу, он думал: какой бы ни была, на ней женюсь.

А выбравшись, увидел, что она всего лишь дитя, младше его сестры. Он не знал, что делать, ворочался всю ночь и решил ждать, пока она вырастет. А наутро пришла весть о её исчезновении. Он не мог с этим смириться.

Услышав слова Жун Би, он сдался. Он запер ту девушку в глубине сердца. Никто не займёт её места. Такой больше не будет.

Жун Би смотрел, как Хуа Си, поникший, бредёт прочь. Он оглядел свою комнату и понял: теперь это его клетка.

Спустя несколько дней ему стало немного лучше, и он вышел во двор. Там собралось множество детей и отроков — Жун Би понял, что это отпрыски важных чиновников,

оставленные здесь как залог верности.

За те полмесяца, что он пролежал, все уже перезнакомились. Увидев его, многие удивились, но все знали, кто он, — ведь простоять столько у ворот генеральской резиденции было делом неслыханным.

<http://bllate.org/book/16277/1465543>